

ВОТ УЖЕ несколько лет дом № 2 по Пограничной улице поселка Солнечное, расположенный неподалеку от музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», привлекает внимание туристов и отдыхающих. На нем еще нет мемориальной доски, о нем пока не говорится в путеводителях, но он уже известен благодаря воспоминаниям К. И. Чуковского «Современники» и Виктора Шкловского «Жили-были». На поляне около дома часто останавливаются сейчас автобусы экскурсий «По литературным местам Карельского перешейка». Строение уже называется «домом Чуковского».

Здесь Корней Иванович жил вместе со своей семьей в 1911—1917 гг. Но поселился он в этой местности еще ранее, в годы столыпинской реакции, после того, как был подвергнут преследованиям царских властей.

Первоначально Чуковский поселился неподалеку от железнодорожной станции дачного поселка Куоккала (ныне Репино) в «несуразной башенке». Там состоялось его знакомство с И. Е. Репиным. Через некоторое время у Корнея Ивановича появляется возможность снять в аренду большее помещение — именно тот дом, о котором идет речь. Илья Ефимович Репин становится теперь близким соседом Чуковского.

«В тринадцатом году — или несколько позже — он купил на мое имя ту дачу, в которой я жил тогда (наискосок от Пенатов), — пишет Корней Иванович, — перестроил ее всю от основания до крыши, причем сам приходил наблюдать, как работают плотники, и сам руководил их работой».

Виктор Шкловский, не раз бывавший в доме Чуковского в предреволюционные годы, так описывает его в книге «Жили-были»: «Дача Корнея Ивановича Чуковского с краю Куоккалы. Рядом с ней — большой каменный забор... Пляж каменистый, песчаный. Дача выходит на море нешироким и некрашенным забором. Дальше от моря участок расширяется. Дача стоит на берегу маленькой речки. Она двухэтажная, с некоторыми отзвуками английского коттеджа... У Корнея Ивановича кабинет в верхнем этаже. К нему даже зимой приезжают писатели».

И внешний вид дома, и форма участка, и каменный забор, и маленькая речка — все сохранилось до настоящего времени.

Помимо Ильи Ефимовича Репина гостями этого дома были многие деятели русской культуры — жители той же Куокка-

лы: театральные режиссер и теоретик театра Н. Евреинов, врач и художник Н. Кульбин, художник, первый иллюстратор блоковых «Двенадцати» Юрий Анненков. Приезжали и ранее знакомые с Чуковским Леонид Андреев, Александр Куприн, Сергей-Ценский. Сам Чуковский в своих мемуарах вспоминает поэта Сергея Городецкого, Алексея Толстого, сатириков начала века Аркадия Аверченко и Сашу Черного, певца Л. Собинова.

Вероятно, наплыв гостей и вызвал у Чуковского мысль о собирании автографов. Но решил он эту задачу иначе, чем А. Куприн, предоставивший своим гостям расписываться на столе. Осенью 1913 года Чуков-

лы — юмор», — писал позднее ее собиратель.

«Пенок», к удивлению собирателя, оказалось много. Как сообщала «Литературная газета», намечено издать это собрание автографов, и уже выпущен документальный фильм о «Чукоккале».

Но тогда, до революции, собрание Чуковского насчитывало несколько десятков страниц. Репин представлен в «Чукоккале» несколькими рисунками, среди них — рисунок, изображающий немецкого рабочего, вывозящего кайзера Вильгельма II на тачке (1914 г.). Была в «Чукоккале» и другая работа, где были представлены гости Чуковского. Называлась она

дожника вместе с Чуковским. склонившимися друг к другу во время захватившего их обих разговора.

«В те годы он рисовал без конца, свободно и легко — за обедом, за ужином, по три, по четыре рисунка — и сейчас же раздавал окружающим», — пишет в своих мемуарах К. И. Чуковский. Его сын Николай добавляет: «Сидя у отца моего в кабинете, в большом обществе, и кого-нибудь слушая, они (Репин и Маяковский), обычно что-нибудь рисовали. Один в одном углу, другой в другом». Рисунки Маяковского вызывали одобрение Репина: «Самый матерый реалист. От природы ни на шаг и чертовски уловлен характер».

ДОМ ЧУКОВСКОГО

ский по совету художника И. Бродского, ученика Репина, мастерил самодельный альбом, на заглавном листе которого Борис Садовский написал:

Наследник и сомышленник Шевченко,
Сюда ты собираешь пенки.

Весной следующего, 1914 года, И. Е. Репин сделал первый вклад в эту коллекцию, передав Чуковскому рисунок, изображавший его и трех других людей во время уборки упавшей сосны на дорожке «Пенатов». Эти «Бурлаки в Пенатах» открыли коллекцию, получившую название «Чукоккалы». Корней Иванович вел это собрание до последних дней своей жизни, когда оно достигло объема 700 страниц. В ней представлены имена Блока, Бунина, Хлебникова, Аверченко, Горького, Маяковского, Мандельштама, Ильфа и Петрова, Пастернака, Олеси, А. Толстого, Куприна, Паустовского, Ахматовой, Гумилева, имена поэтов и писателей 60-х гг. Кроме их, «людей пера», встречаются в «Чукоккале» рисунки Мстислава Добужинского, Бориса Григорьева, Сергея Чехонина. Представлены в этой коллекции и деятели театра: Шалапин, Собинов, Евреинов, Качалов. Попадают в «Чукоккале» английские писатели: Герберт Уэллс, Оскар Уайльд, Конан-Дойль. Стихи, шаржи, документы (вырезки из газет, объявления), кораблики из бумаги, которые складывал Горький, «окно Чукроста» Маяковского.

«Главная особенность Чукокка-

«Государственный совет в Чукоккале».

20 июля 1914 года, в день своего семидесятилетия, Репин в доме Корнея Ивановича стал рисовать собравшихся, слушая чтение «Медного Всадника» Чуковским. Художник Юрий Анненков, в свою очередь, примостившись сзади, зарисовал в это время Илью Ефимовича.

Летом 1915 года в доме Чуковского часто бывал Владимир Маяковский. Он снимал комнату в Куоккале. Но денег на еду ему не хватало. Позднее, в автобиографии «Я сам», поэт пишет: «Установил семь обедующих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, в понедельник Евреинова и т. д.».

Будучи в гостях, Маяковский читал свои стихи, в том числе и не строки, написанные в тот же день, или накануне. «Эти чтения происходили так часто, что даже моя семилетняя дочь запоминала кое-что наизусть», — пишет Чуковский и добавляет: «Некоторые наши соседи перестали ходить к нам в гости оттого, что у нас в доме бывал Маяковский».

В июне 1915 года такое чтение стихов слушал Репин. Стихи ему понравились, и он тут же пригласил поэта в «Пенаты», чтобы написать его портрет. Правда, Репин написал не большой портрет, а лишь набросок-рисунок. Но Маяковский не остался в долгу и сделал несколько портретов самого Репина в шаржированном виде, в том числе и в доме Чуковского. На одном из них он изобразил ху-

Поэт и летчик Василий Каменский запомнился обитателям дома своими декоративными работами. «Наклеит на огромный зеленый картон десяток фантастических драконов, вырезанных из оранжевой и пунцовой бумаги, вперемежку с фиолетовыми звездами, и получится чудесный орнамент, наполненный какой-то буйной и жизнерадостной музыки. Повесишь эту бумажную импровизацию на стену — и в комнате становится весело. Среди фигурок иногда возникали разноцветные буквы, из которых слогались заумные птичьи слова, звучащие с такой же радостью». Несомненно, что первое стихотворение для детей, написанное К. И. Чуковским в 1916 году, «Крокодил» («Ваня и крокодил») определенным образом

Идея создания художественных произведений для детей вынашивалась Чуковским задолго до 1916 года. Еще в 1907 году он был инициатором создания сборника «Жар-птица», пригласив для участия в нем А. Н. Толстого, С. Н. Сергеева-Ценского, Сашу Черного, а также многих первоклассных рисовальщиков. В течение нескольких лет он, как критик, вел борьбу с пошлостью и сюсюканьем, господствующими в тогдашней детской литературе. В этом ему оказал поддержку А. М. Горький, с которым К. И. Чуковский побывал вместе у И. Е. Репина в 1916 году.

Годы жизни в Куоккале бы-

ли плодотворными: за это время Чуковский написал несколько десятков критических статей, составивших книги «От Чехова до наших дней», «Критические рассказы», «Лица и маски», «Книга о современных писателях».

Весной 1917 г. Чуковский уехал из своего дома в Куоккалу уверенный в скором возвращении. «Но финны внезапно открыли границу, а «добрые соседи» разграбили дом». Илья Ефимович Репин писал ему 11 июля 1923 года: «Вчера, проходя Оллила (нынешнее Солнечное), с грустью посмотрел на потемневший дом Ваш, на заросшие дороги и двор, вспоминаю сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы... И многое множество брошюр видел я в растерзанном виде на полу, со следами от всех грязных подошв, валенок, среди ободранных диванов, тамы так интересно и уютно проводили время за слушанием интересных докладов и горячих речей талантливой литературы, разгоравшейся красным огнем свободы...».

В начале 1925 года, после трехмесячного хлопот, Чуковский приезжает в Куоккалу. До сих пор неясно, останавливался ли он тогда в гостинице или в «своем» доме, хлопотал ли о пропавших вещах, нашел ли что-либо. Но его переписка с Репиным продолжалась и после этого визита. Художник писал ему: «Как жаль, что Вы так скоро исчезли отсюда. У меня было столько вопросов к Вам». Один из них — о возвращении на родину. Чуковский, хотя и сообщил Репину, что в «Пенаты» он больше не придет, советовал художнику не верить буржуазным газетам, а приехать в СССР и все увидеть самому.

Прошло еще четверть века, и в конце 50-х годов, когда Куоккала стала называться Репино и начались работы по восстановлению «Пенатов», Корней Иванович написал обширный том мемуаров «Современники», где вспомнил своих давних знакомых — гостей своего дома. В эти же годы сотрудники музея «Пенаты» попросили его указать на фотографиях уцелевших домов поселка тот дом, где он когда-то жил. Писатель выполнил эту просьбу.

Нам этот дом дорог как напоминание о людях, живших здесь, о мастерах русской культуры, часто бывавших и творивших в нем.

С. БЕРНАДСКИЙ

Редактор А. С. МАТВЕЕВ